Исцеление Ильи Муромца

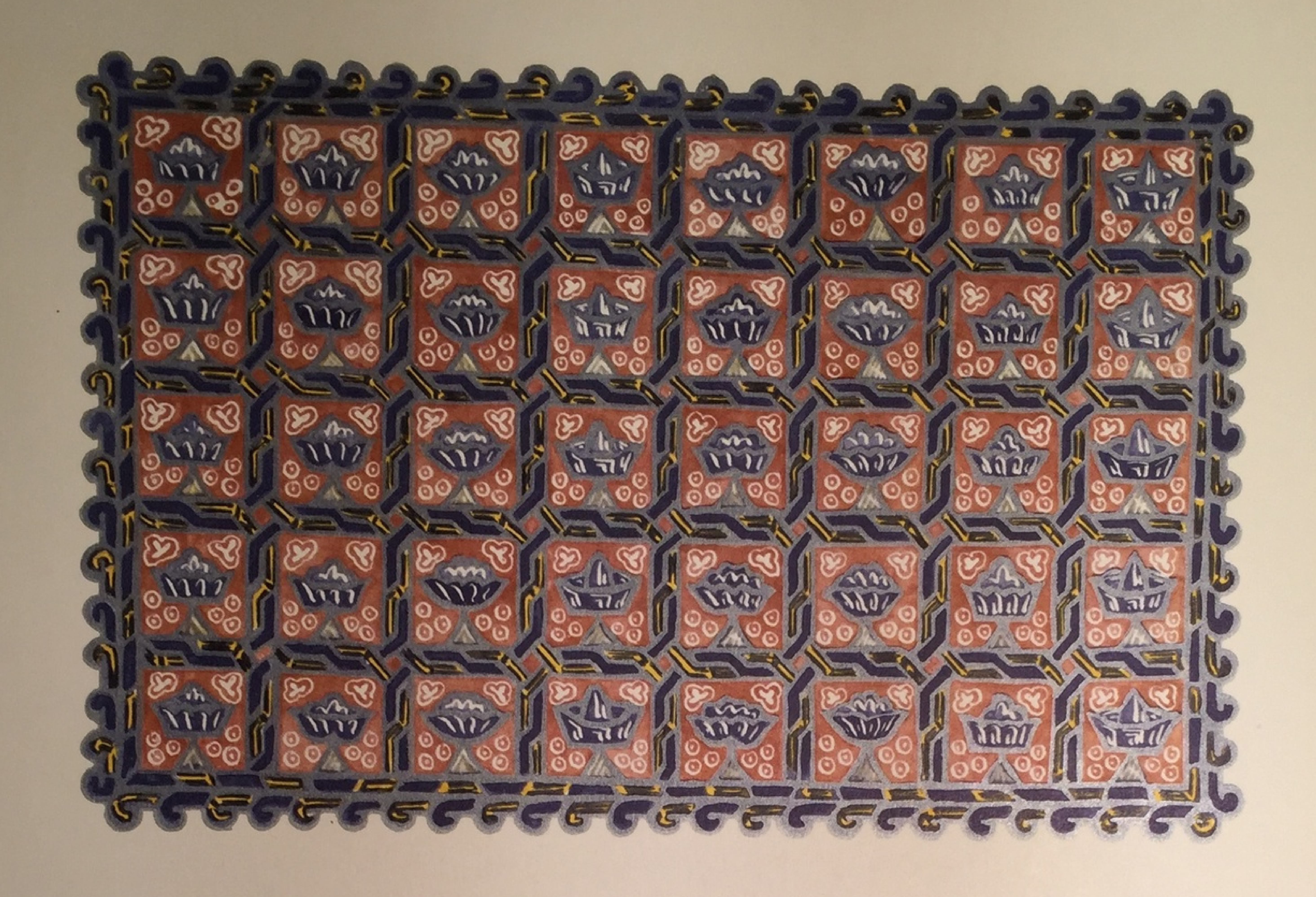

Илья Муромец и Соловей Разбойник

РФ
И49

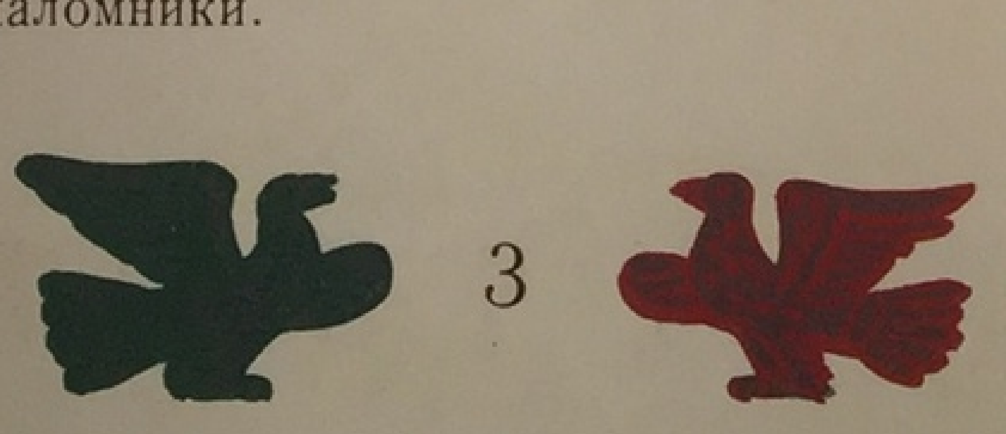
Исцеление Ильи Муромца

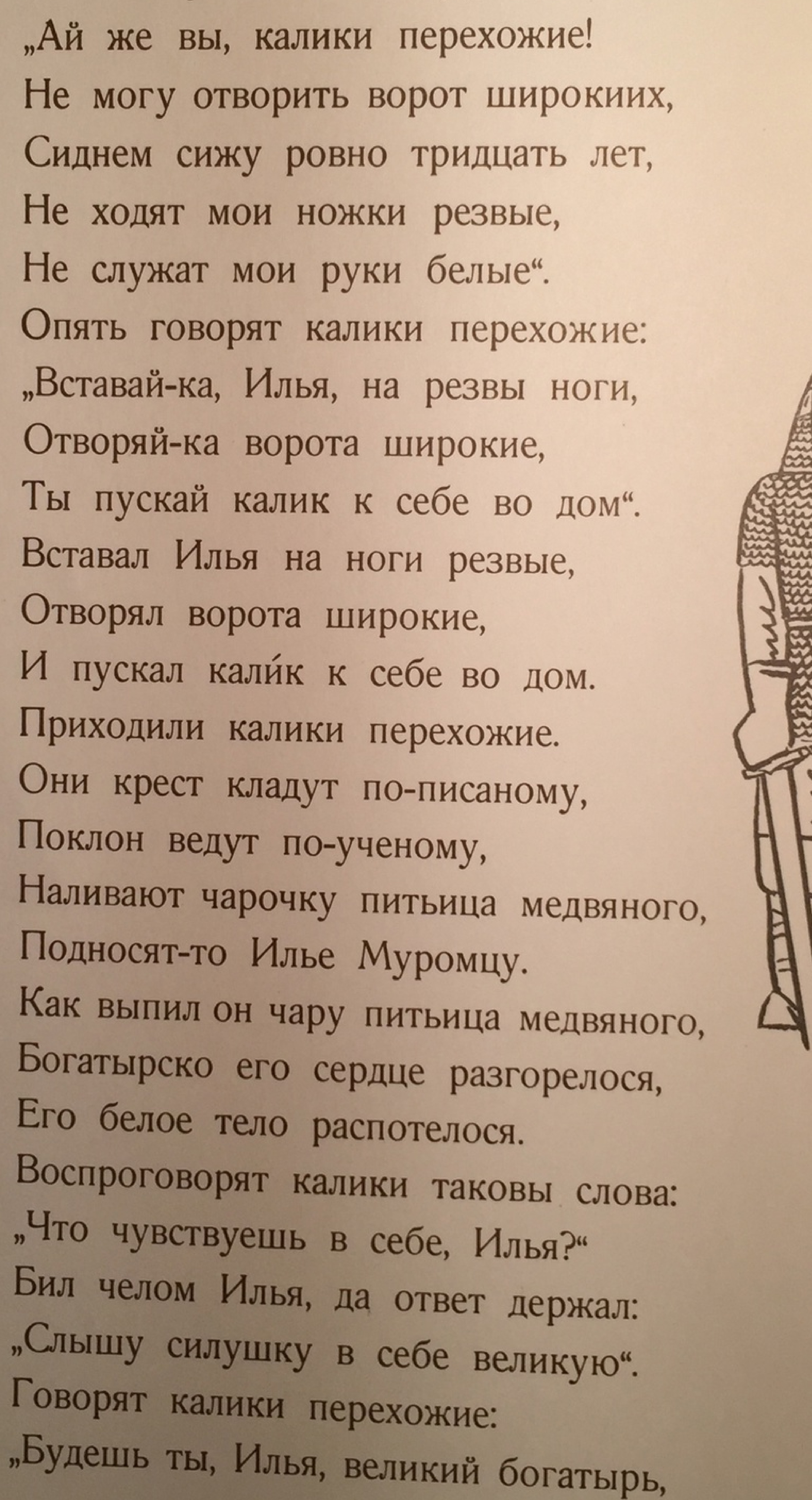

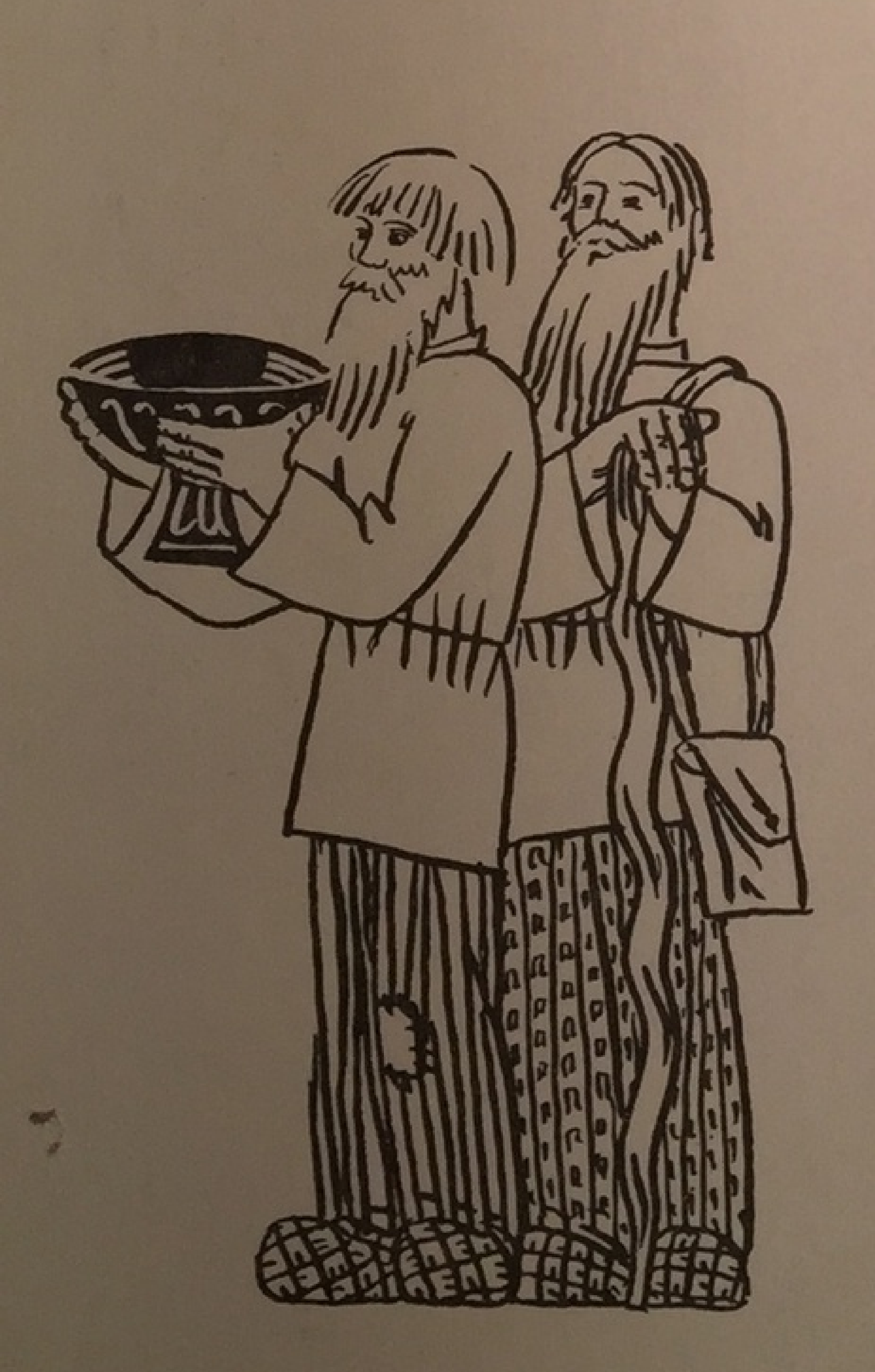
В славном городе во Муроме,
Во селе было Карачарове
Си́днем сидел Илья Муромец,
Илья Муромец, крестьянский сын,
Сиднем сидел ровно тридцать лет.
Уходил государь его батюшка
Со родимою со матушкою
На работушку на крестьянскую.
Как приходили два калики перехожие,[1]

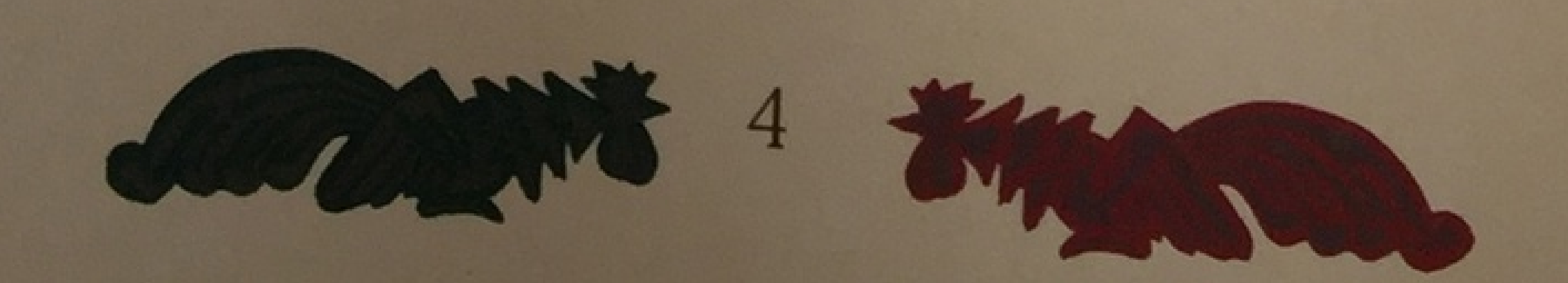
[1] Кали́ки перехожие—странствующие богатыри, паломники.

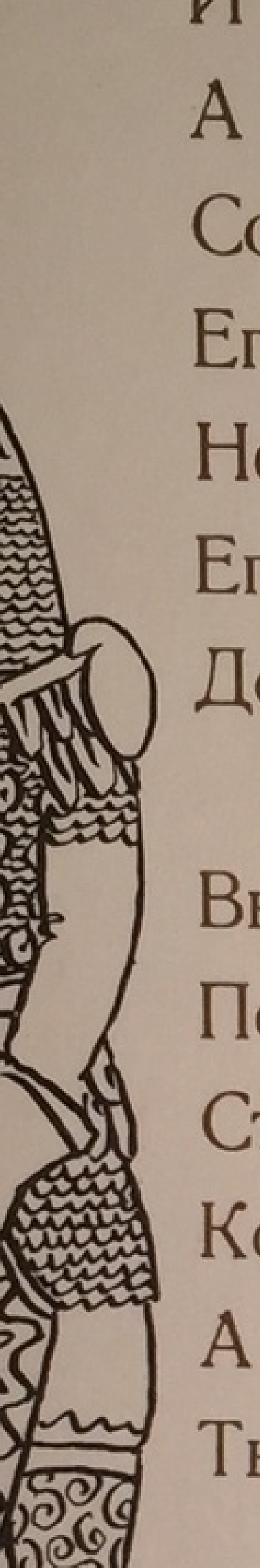

Приходили под окошечко косящато.
Говорят калики таковы слова:
„Ай же ты, Илья Муромец,
Илья Муромец, крестьянский сын!
Отворяй каликам ворота широкие,
Ты пусти калик к себе во дом“.
Ответ держит Илья Муромец:
„Ай же вы, калики перехожие!
Не могу отворить ворот широкиих,
Сиднем сижу ровно тридцать лет,
Не ходят мои ножки резвые,
Не служат мои руки белые“.
Опять говорят калики перехожие:
„Вставай-ка, Илья, на резвы ноги,
Отворяй-ка ворота широкие,
Ты пускай калик к себе во дом“.
Вставал Илья на ноги резвые,
Отворял ворота широкие,
И пускал кали́к к себе во дом.
Приходили калики перехожие.
Они крест кладут по-писаному,
Поклон ведут по-ученому,
Наливают чарочку питьица медвяного,
Подносят-то Илье Муромцу.
Как выпил он чару питьица медвяного,
Богатырско его сердце разгорелося,
Его белое тело распотелося.
Воспроговорят калики таковы слова:
„Что чувствуешь в себе, Илья?“
Бил челом Илья, да ответ держал:
„Слышу силушку в себе великую“.
Говорят калики перехожие:
„Будешь ты, Илья, великий богатырь,

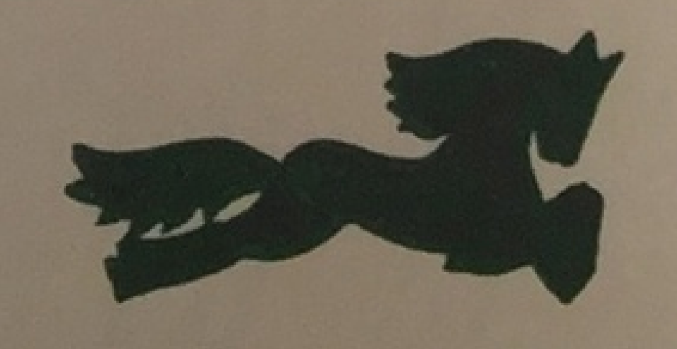

И смерть тебе на бою не писана;
Бейся-ратися со всяким бога́тырем
И со всею поленицею удалою;[1]
А только не выходи дратися
Со Святогором-бога́тырем—
Его и земля на себе через силу носит;
Не бейся и с родом Микуловым—
Его любит матушка сыра земля;
Доставай, Илья, коня себе
богатырского,
Выходи в раздольице чисто поле,
Покупай первого жеребчика,
Станови его в срубу на три месяца,
Корми его пшеном белояровым.
А пройдет поры-времени три месяца,
Ты по три ночи жеребчика в саду
поваживай
И в три росы жеребчика выкатывай,
Подводи его к тыну ко высокому:
Как станет жеребчик через тын
перескакивать,
И в ту сторону, и в другую сторону,
Поезжай на нем куда захочется,
Будет конь служить тебе верой-правдою“.
Тут калики потерялися.
Пошел Илья ко родителю ко батюшке
На тую на работу на крестьянскую,
Очистить надо пал[2] от дубья-колодья:
Он дубье-колодье все повырубил,
Во глубоку реку все повыгрузил,

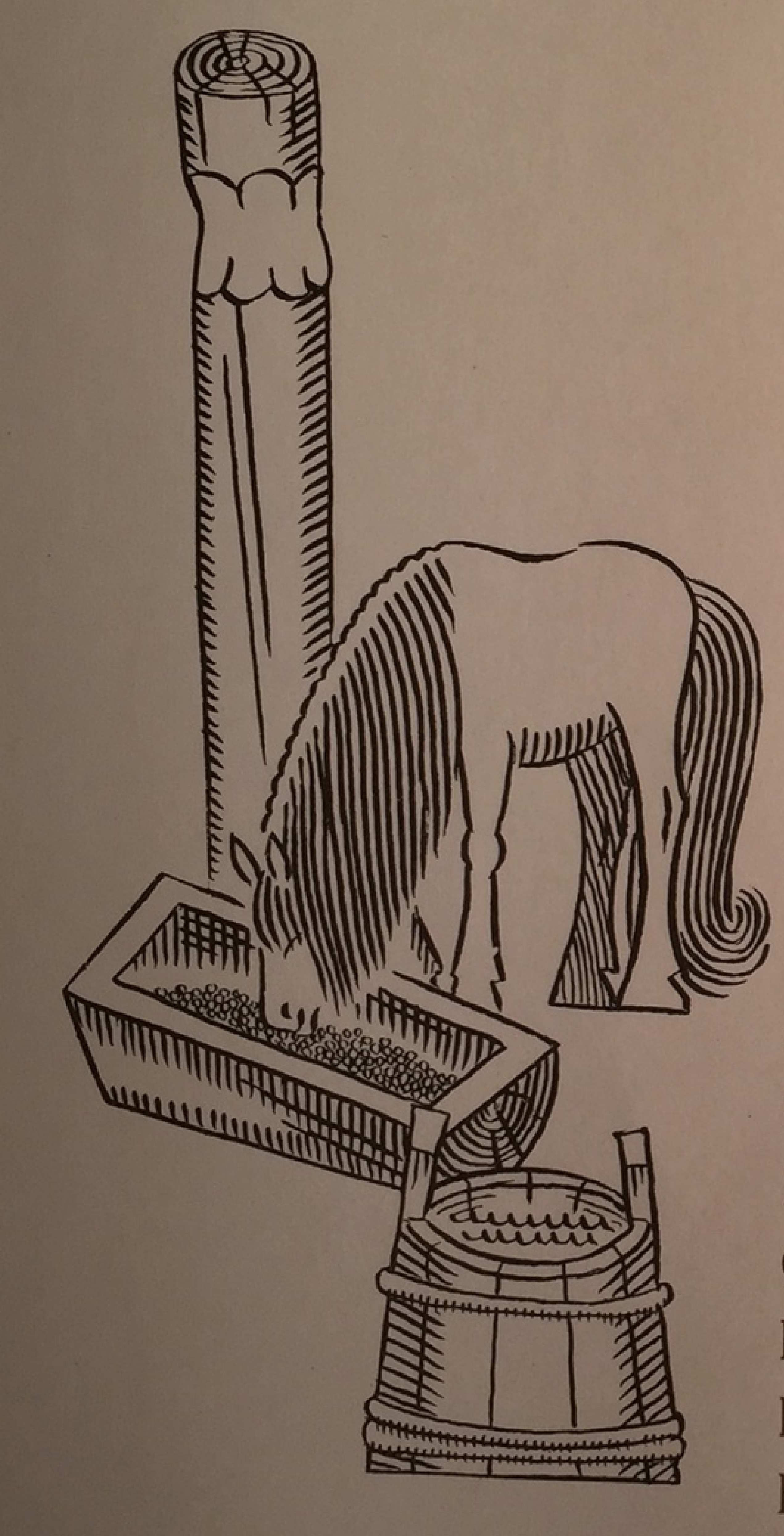
[1] Здесь: все, любые во́ины.
[2] Пал—место выжженного (спаленного) для пашни леса.

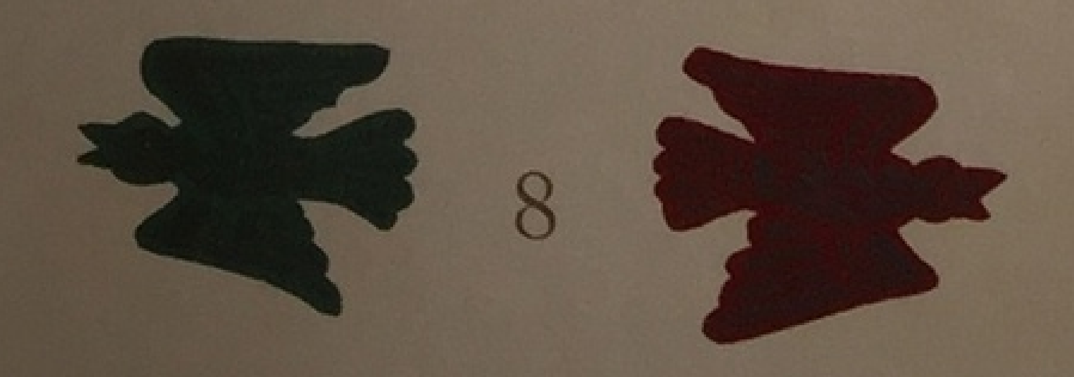

А сам пошел домой Илья Муромец.
Встали отец с матерью от крепкого сна —
испужалися:
„Что это за чудо подеялось?
Кто бы это нам сработал работушку?“
И домой они отправлялися.
Как пришли домой они — дивуются:
Илья Муромец по избе похаживает.
Тут стали его расспрашивать,
Как на ноги встал, вошел в силушку.
Илья Муромец и поведал им,
Как приходили калики перехожие,
Поили его питьицем медвяным:
В руки-ноги пришло володеньице,
И получил он силушку великую.
Пошел Илья в раздольице поле чистое,
Видит: мужик ведет жеребчика немудрого,
Бурого жеребчика косматенького.
Покупал Илья того жеребчика,
Становил жеребчика в сруб на три месяца,
Кормил его пшеном белояровым,
Поил свежей ключевой водой.
И прошло поры-времени три месяца,
Стал Илья жеребчика по три ночи в саду поваживать,
В три росы его выкатывал,
Подводил ко тыну ко высокому,
И стал бурушко через тын перескакивать,
И в ту сторону, и в другую сторону.
Тут Илья Муромец сын Иванович
Седлал добра коня, зауздывал,
Брал у батюшки, у матушки
Прощеньице-благословеньице
И поехал во раздольице поле чистое.

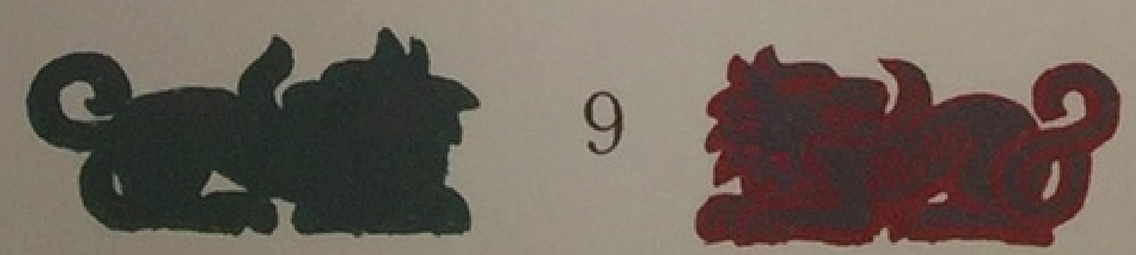
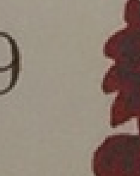

Илья Муромец и Соловей разбойник

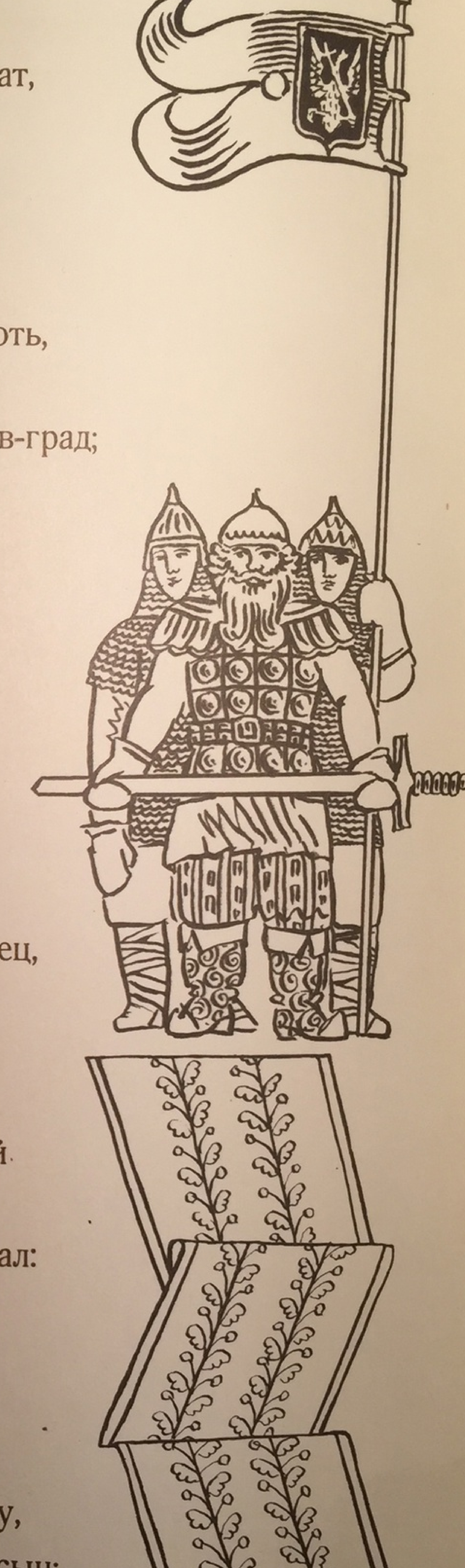

з того ли-то города из Мурома,
Из того села да с Карачарова
Выезжал удаленький дородный добрый молодец;
Он стоял заутреню во Муроме,
Ай к обедне поспеть хотел он в стольный
Киев-град.
Да й подъехал он ко славному ко городу
Чернигову.
У того ли города Чернигова
Нагнано-то силушки черным-черно,
А й черным-черно, как черна ворона;

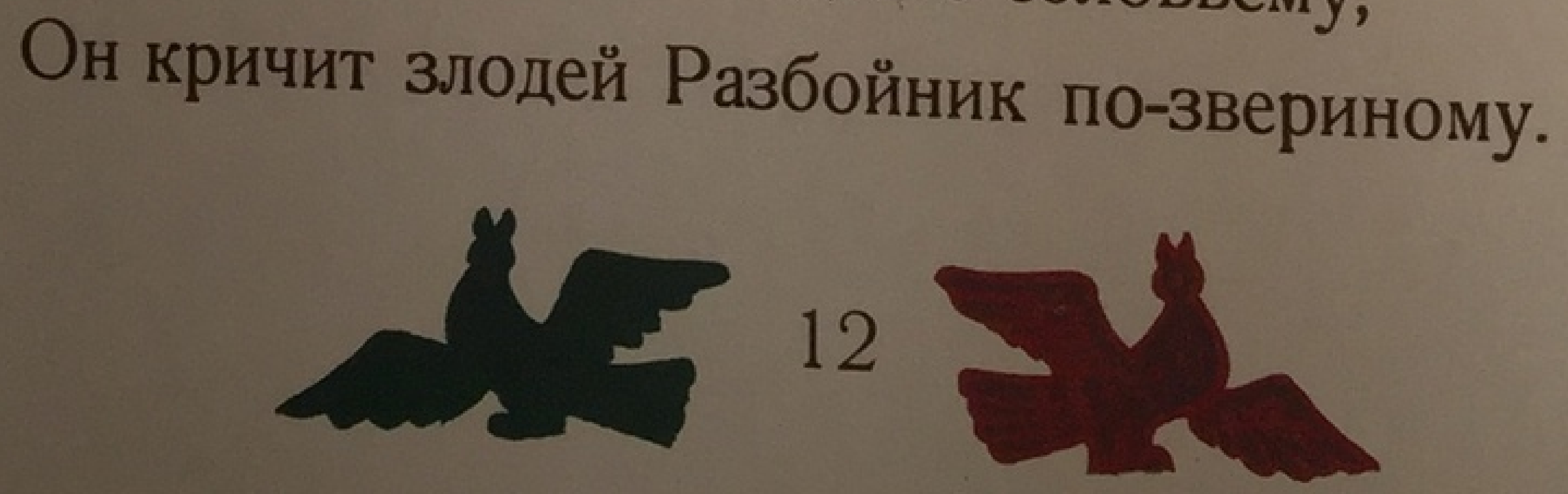

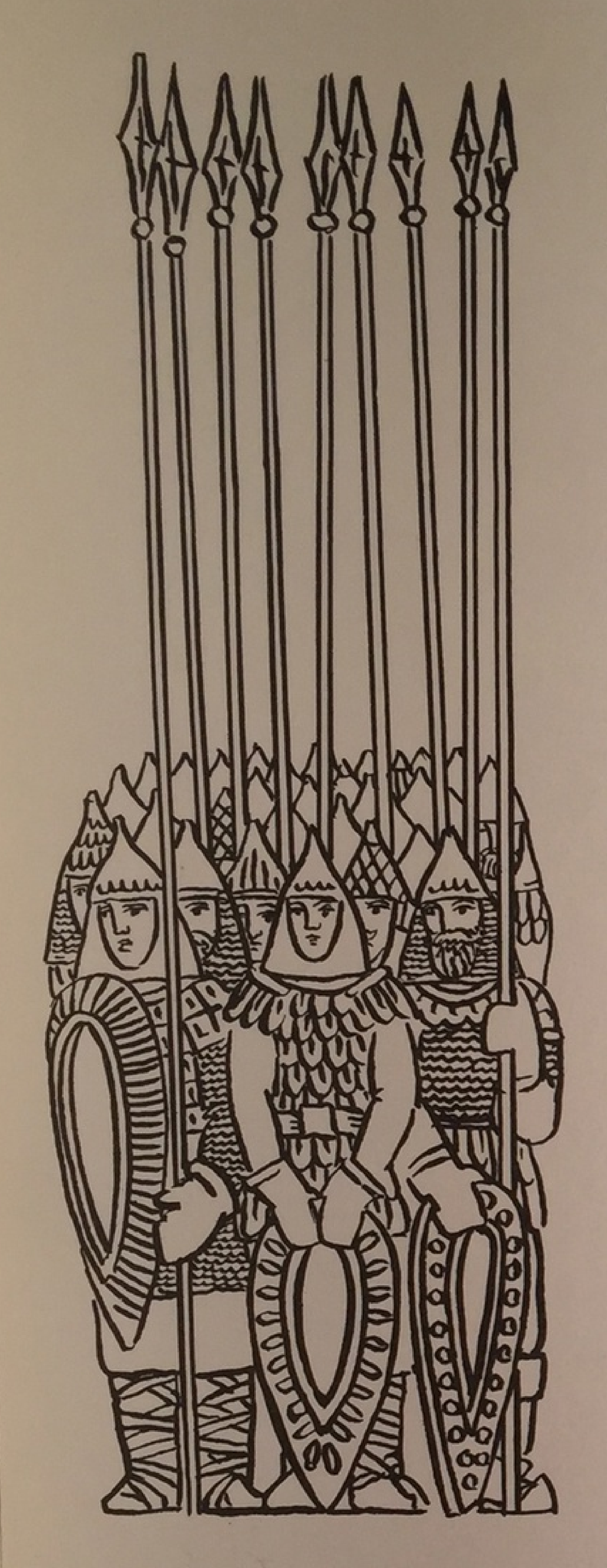

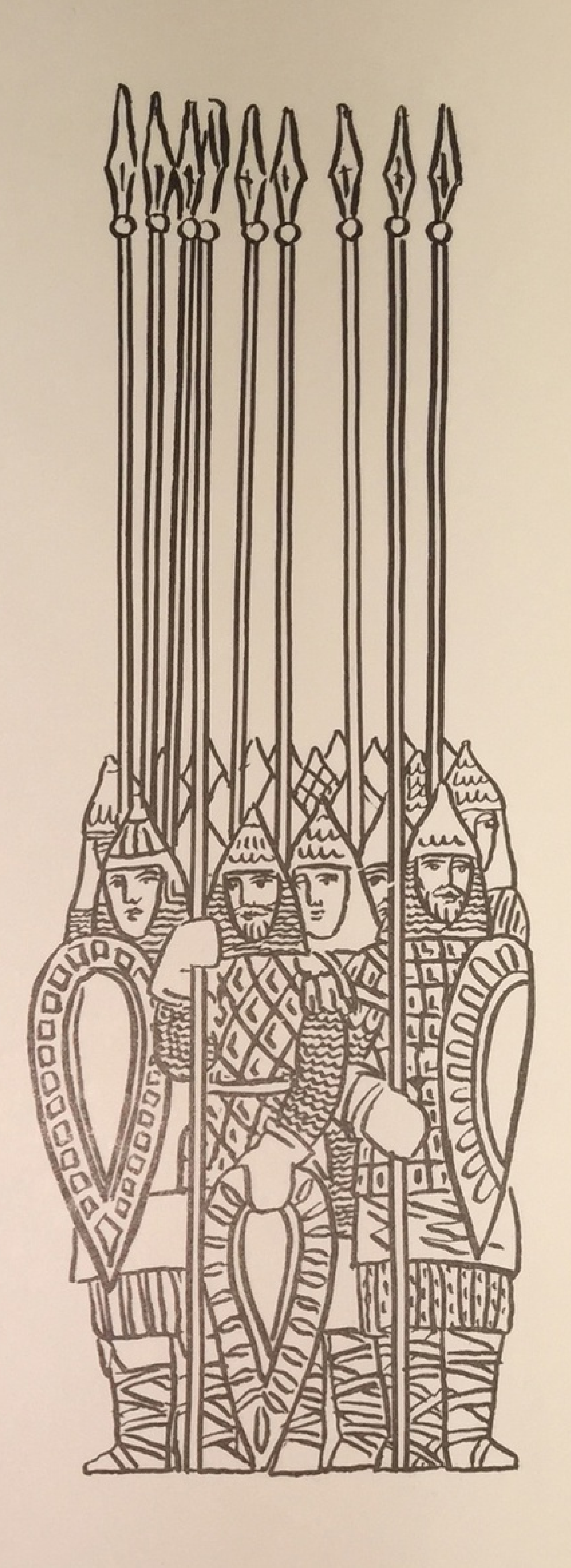
Так пехотою никто тут не прохаживат,
На добром коне никто тут не проезживат,
Птица черный ворон не пролетыват,
Серый зверь да не прорыскиват.
А подъехал как ко силушке великоей,
Он как начал эту силушку великую
Стал конем топтать да стал копьем колоть,
Ай побил он эту силу всю великую.
Он подъехал-то под славный под Чернигов-град;
Выходили мужички да тут черниговски,
Отворяли-то ворота во Чернигов-град.
А й зовут его в Чернигов воеводою.
Говорит-то им Илья да таковы слова:
„Ай же мужички да вы черниговски!
Я не йду к вам во Чернигов воеводою.
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую да в стольный Киев-град“.
Говорили мужички ему черниговски:
„Ты удаленький дородный добрый молодец,
Ай ты славныя богатырь святорусский!
Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела;
Ай по той ли по дорожке прямоезжеей
Да й пехотою никто не прохаживал.
На добром коне никто да не проезживал:
Как у той ли-то у грязи-то у Черноей,
Да у той ли у березы у покляпыя,
Да у той ли речки у Смородины,
У того креста у Леванидова
Сидит Соловей Разбойник на сыром дубу,
Сидит Соловей Разбойник Одихмантьев сын;
А то свищет Соловей да по-соловьему,
Он кричит злодей Разбойник по-звериному.

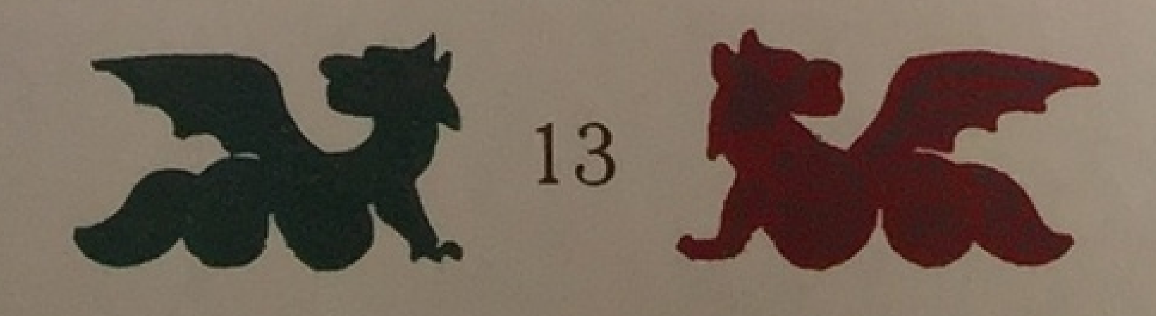

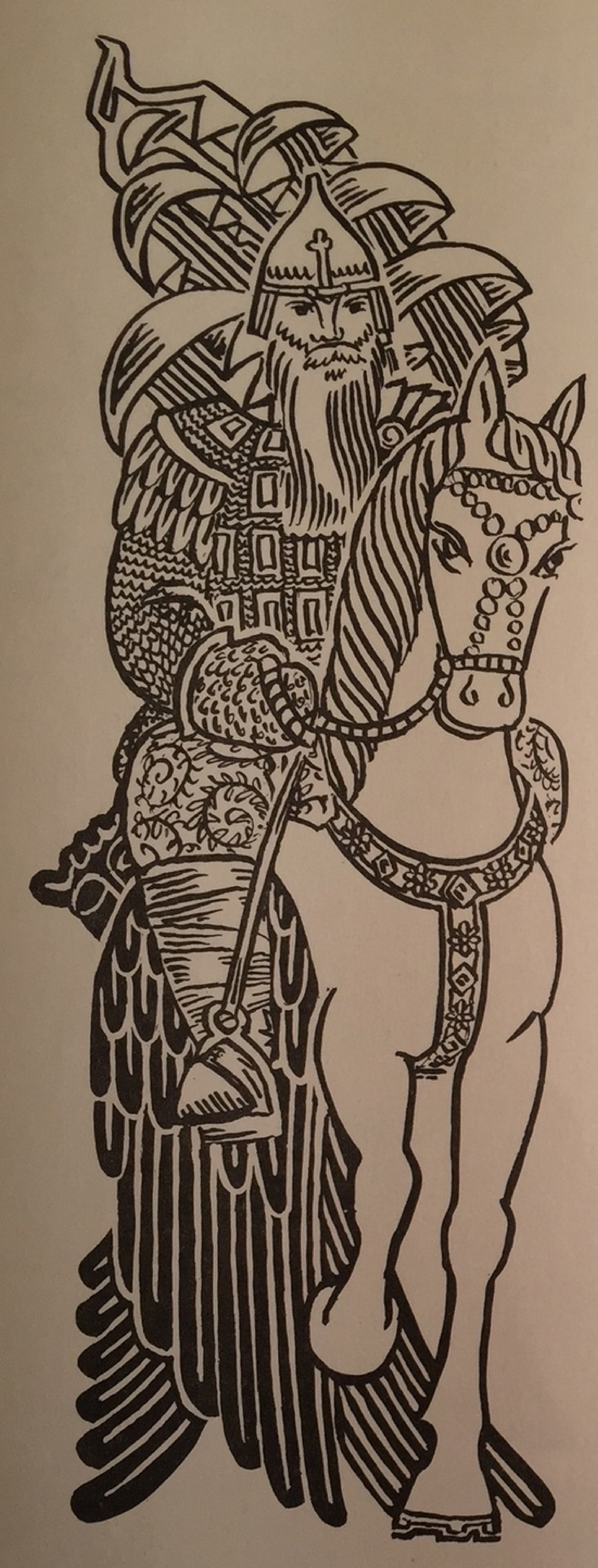
От его ли-то от посвисту соловьего,
От его ли-то от покрику звериного
То все травушки-муравы уплетаются,
Все лазоревы цветочки отсыпаются,
Темны лесушки к земле все приклоняются,
А что есть людей, то все мертвы лежат.
Прямоезжею дороженькой пятьсот есть верст,
Ай окольноей дорожкой цела тысяча".
Он пустил добра коня да й богатырского,
Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
Его добрый конь да богатырский
С горы на гору стал перескакивать,
С холмы на холму стал перемахивать,
Мелки реченьки, озерка промеж ног спущал.
Подъезжает он ко речке ко Смородинке,
Да ко тоей он ко грязи-то ко Черноей,
Да ко тоей ко березе ко покляпыя,
К тому славному кресту ко Леванидову.
Засвистал-то Соловей да й по-соловьему,
Закричал злодей Разбойник по-звериному —
Так все травушки-муравы уплеталися,
Да й лазоревы цветочки отсыпалися,
Темны лесушки к земле все приклонялися.
Добрый конь да богатырский спотыкается.
А й как старый-от казак да Илья Муромец
Берет плеточку шелкову в белу рученьку,
А он бил коня да по крутым ребрам;
Говорил-то Илья да таковы слова:
„Ах ты волчья сыть да травяной мешок!
Али ты идти не хошь, аль нести не мошь?
Не слыхал ли посвисту соловьего,
Не слыхал ли покрику звериного,
Не видал ли ты ударов богатырскиих?"

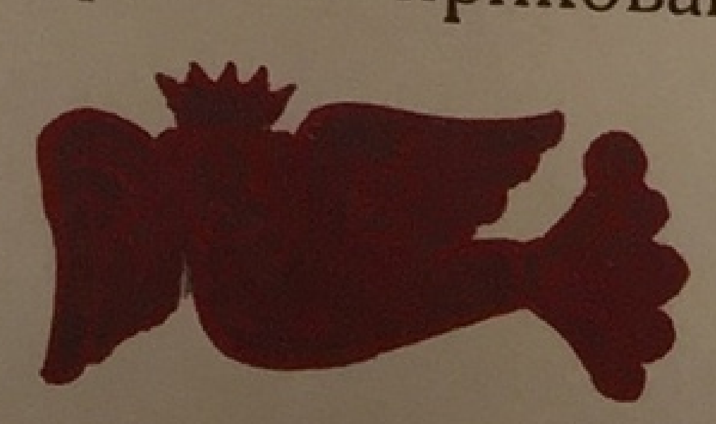

А й тут старыя казак да Илья Муромец
Да берет-то он свой лук ту́гой разрывчатый,
Во свои берет во белы ручушки.
Он тетивочку шелковеньку натягивал,
Да он стрелочку каленую накладывал,
Да он стрелил в то́го Соловья
Разбойника,
Ему выбил право око со косицею.
Он спустил-то Соловья да на сыру землю,
Пристегнул его ко правому ко стремечку
булатному,
Он повез его по славну по чисту́ полю,
Мимо гнездышка повез да Соловьиного.
Во том гнездышке да Соловьиноем
А случилось быть да и три дочери,
А й три дочери его любимыих.
Бо́льша дочка смотрит во окошечко косящато,
Говорит она да таковы слова:
„Едет-то наш батюшка чисты́м полем,
А сидит-то он да на добро́м коне,
Да везет он мужичища-деревенщину
Да у правого у стремени прикована“.
Поглядела его дру́га дочь любимая,
Говорила-то она да таковы́ слова:
„Едет батюшка раздольицем чисты́м полем
Да й везет он мужичища-деревенщину,
Да й ко правому ко стремени прикована“.
Поглядела его ме́ньша дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
„Едет мужичище-деревенщина,
Да й сидит мужик да на добро́м коне,
Да й везет-то отца-батюшку у стремени,
У булатного у стремени прикована.

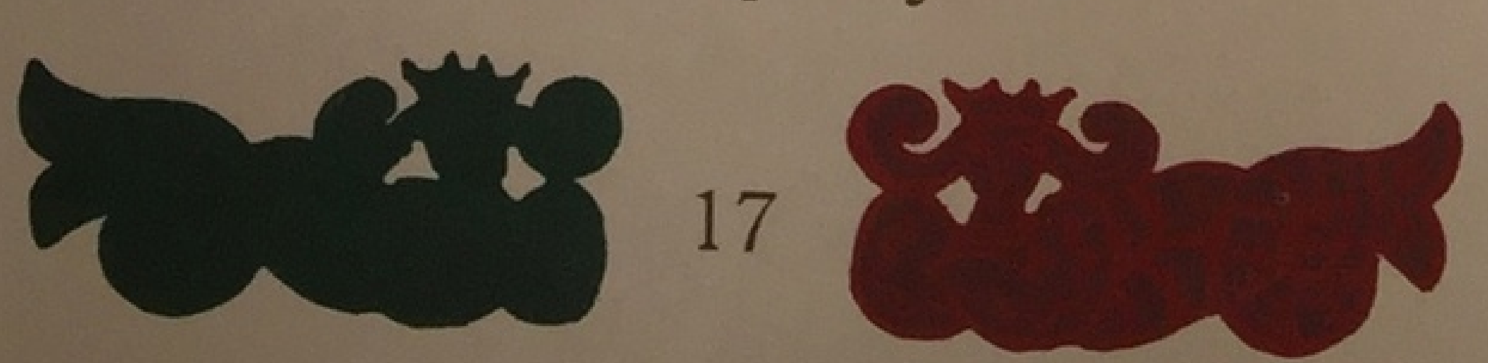

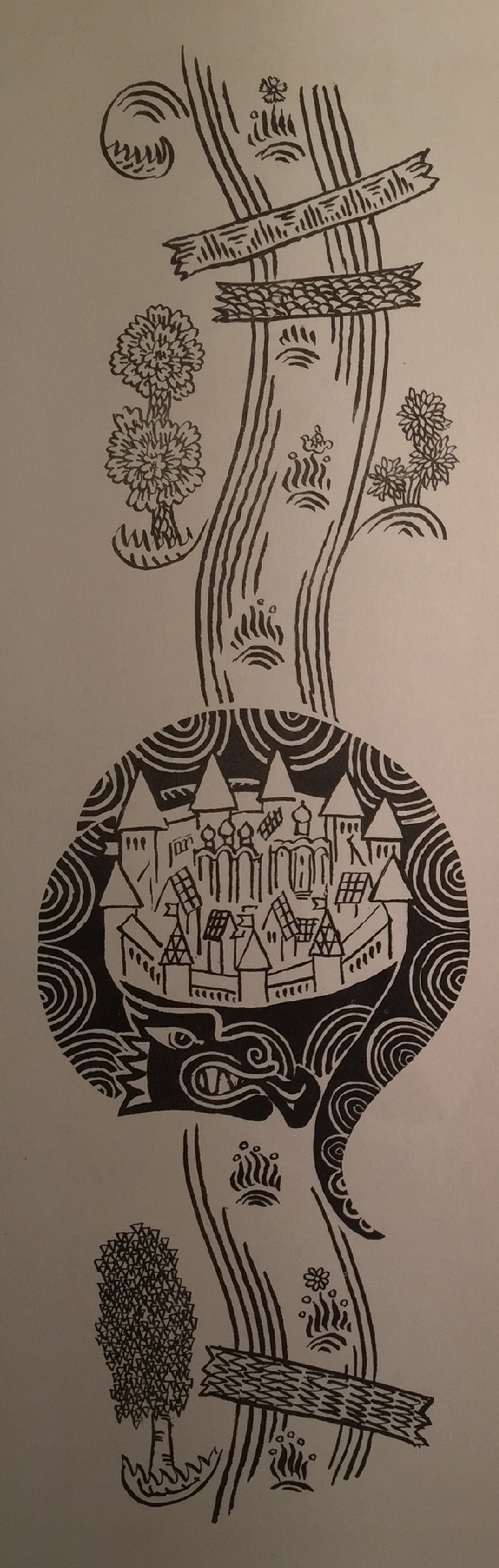

Ему выбито-то право око со косицею“.
Говорила-то она да таковы слова:
„Ай же мужевья наши любимые!
Вы берите-ка рогатины звериные,
Да бежите-ка в раздольице чисто́ поле,
Да вы бейте мужичища-деревенщину!“
Эти мужевья да их любимые,
Зятевья то есть да Соловьиные,
Похватали как рогатины звериные
Да й бежали-то они да во чисто́ поле
Ко тому ли к мужичищу-деревенщине,
Да хотят убить-то мужичища-деревенщину.
Говорит им Соловей Разбойник
Одихмантьев сын:
„Ай же зятевья мои любимые!
Побросайте-ка рогатины звериные,
Вы зовите мужика да деревенщину,
В свое гнездышко зовите Соловьиное,
Да кормите его ествушкой саха́рною,
Да вы пойте его питьицем медвя́ным,
Да й дарите ему дары драгоценные“.
Эти зятевья да Соловьиные
Побросали-то рогатины звериные,
Ай зовут-то мужика да й деревенщину
Во то гнездышко во Соловьиное.
Да й мужик-то деревенщина не слушался,
А поехал он по славну по чисту́ полю
Прямоезжею дорожкой в стольный Киев-град.
Он приехал-то во славный стольный Киев-град
А ко славному ко князю на широкий двор.
А й Владимир-князь он вышел со божье́й церкви́,
Он пришел в палату белокаменну,
Во столовую свою во горенку.

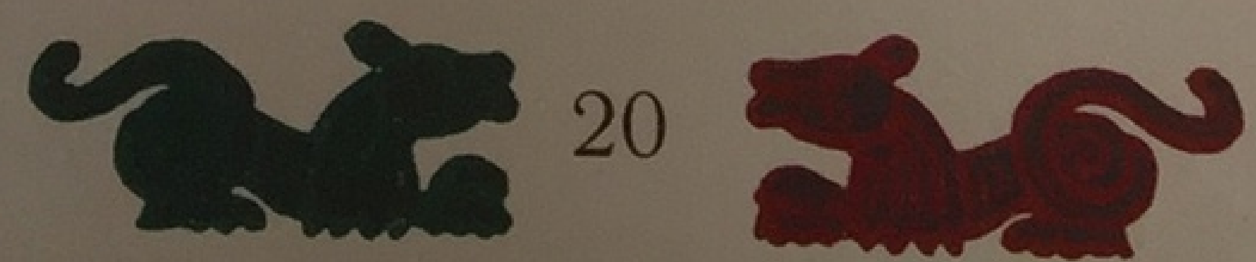

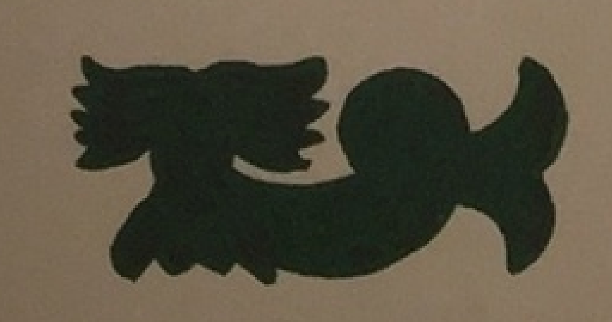

Они сели есть да пить да хлеба кушати,
Хлеба кушати да пообедати.
А й тут старыя казак да Илья Муромец
Становил коня да посередь двора,
Сам идет он во палаты белокаменны.
Проходил он во столовую во горенку,
На пяту он дверь-то поразмахивал,
Крест-от клал-то он по-писаному,
Вел поклоны по-ученому,
На все на три, на четыре на сторонки низко кланялся,
Самому князю Владимиру в особину,
Еще всем его князьям да подколенныим.
Тут Владимир-князь стал молодца выспрашивать:
„Ты скажи-ка, ты откулешный, дородный добрый молодец,
Тебя как-то молодца да именем зовут,
Величают удалого по отечеству?"
Говорил-то старыя казак да Илья Муромец:
„Я из славного из города из Мурома,
Из того села да с Карачарова,
Есть я старыя казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович!"
Говорит ему Владимир таковы слова:
„Ай же старыя казак да Илья Муромец!
Да й давно ли ты повыехал из Мурома,
И которою дороженькой ты ехал в стольный Киев-град?"
Говорил Илья да таковы слова:
„Ай ты славныя Владимир стольнокиевский!
Я стоял заутреню христовую во Муроме,
А й к обеденке поспеть хотел я в стольный Киев-град,
Да моя дорожка призамешкалась;
А я ехал-то дорожкой прямоезжею,
Прямоезжею дорожкой за Чернигов-град,
Ехал мимо эту грязь да мимо Черную,

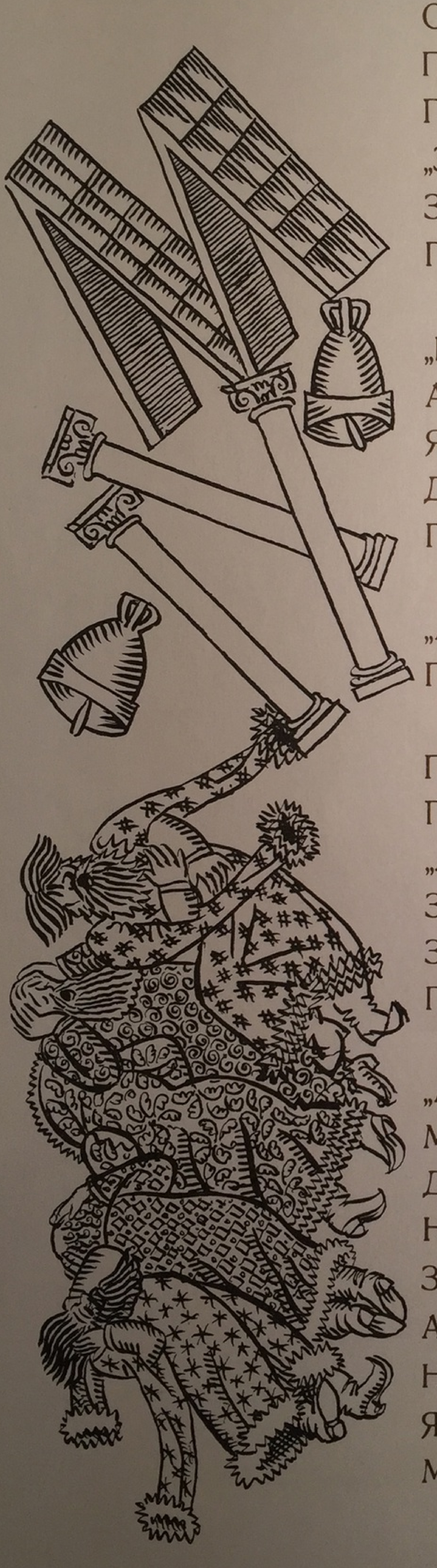

Мимо славну реченьку Смородину,
Мимо славную березу ту покляпую,
Мимо славный ехал Леванидов крест".
Говорил ему Владимир таковы слова:
„Ай же мужичище-деревенщина!
Во глазах, мужик, да подлыгаешься,
Во глазах, мужик, да насмехаешься!
Как у славного у города Чернигова
Нагнано тут силы много-множество,
Там пехотою никто да не прохаживал,
На добром коне никто да не проезживал,
Туда серый зверь да не прорыскивал,
Птица черный ворон не пролетывал;
А у той ли-то у грязи-то у Черноей,
Да у славноей у речки у Смородины,
А й у той ли у березы у покляпыя,
У того креста у Леванидова
Соловей сидит Разбойник
Одихмантьев сын.
А как свищет Соловей да по-соловьему,
Как кричит злодей Разбойник по-звериному,
То все травушки-муравы уплетаются,
А лазоревы цветки прочь отсыпаются,
Темны лесушки к земле все приклоняются,
А что есть людей, то все мертвы лежат".
Говорил ему Илья да таковы слова:
„Ты Владимир-князь да стольнокиевский!
Соловей Разбойник на твоем дворе,
Ему выбито ведь право око со косицею,
И он ко стремени булатному прикованный".
Тут Владимир-князь да стольнокиевский
Он скорешенько вставал на резвы ноженьки,
Кунью шубоньку накинул на одно плечко,

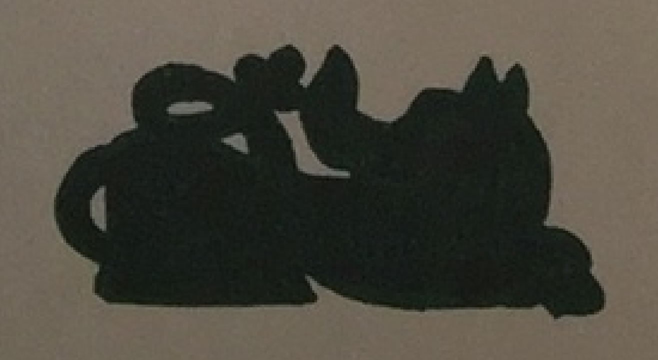

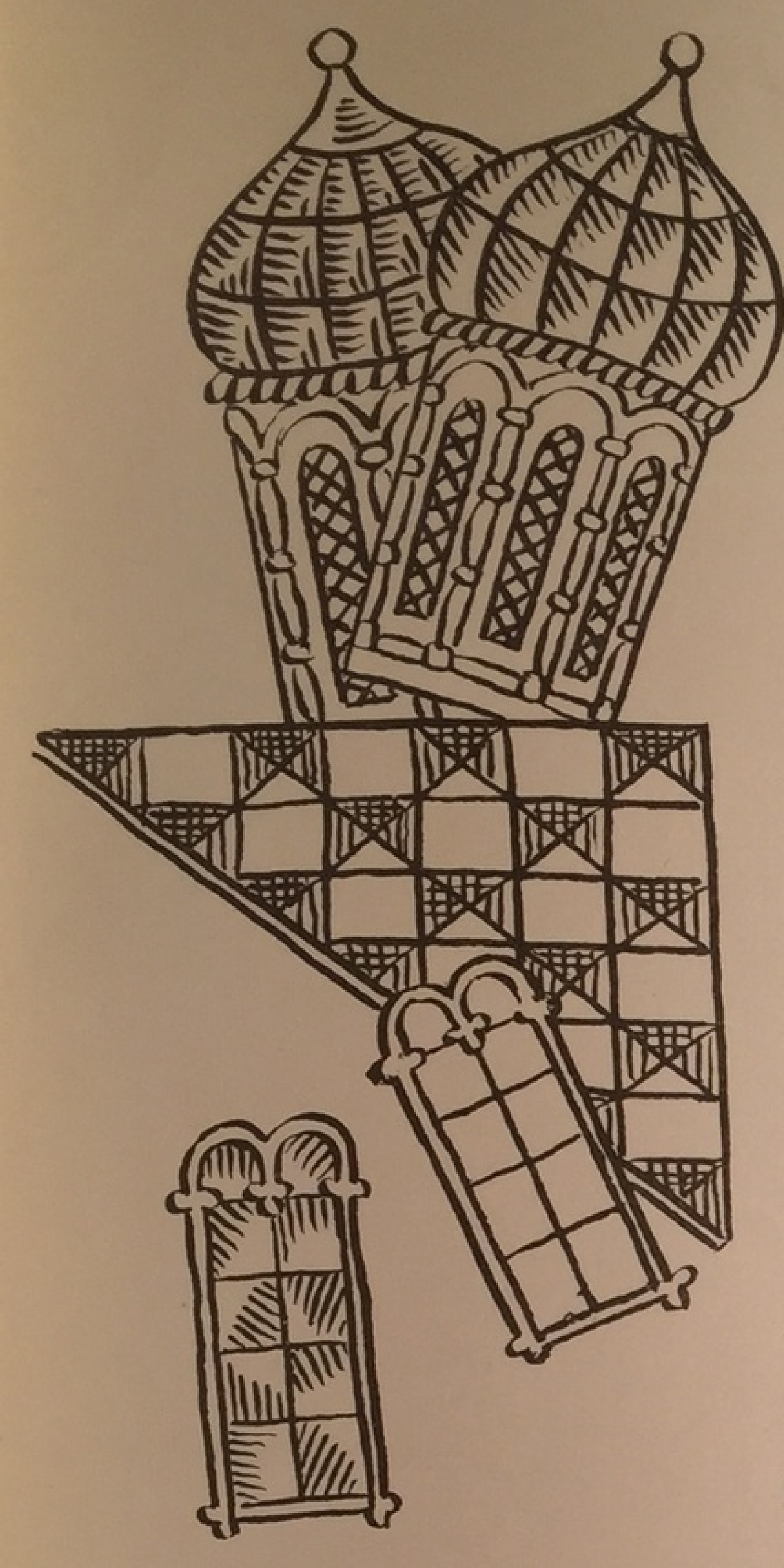

Да он шапочку соболью на одно ушко,
Он выходит-то на свой да на широкий двор
Посмотреть на Соловья Разбойника.
Говорил ему Владимир-князь да таковы слова:
„Засвищи-ка, Соловей, ты по-соловьему,
Закричи-ка ты, собака, по-звериному“.
Говорил-то Соловей Разбойник
Одихмантьев сын:
„Не у вас-то я сегодня, князь, обедаю,
А не вас-то я хочу да и послушати —
Я обедал-то у старого казака Ильи Муромца,
Да его хочу-то я послушати“.
Говорил-то как Владимир-князь
да стольнокиевский:
„Ай же старыя казак ты Илья Муромец!
Прикажи-ка засвистать ты Соловью да й
по-соловьему,
Прикажи-ка закричать да по-звериному“.
Говорил Илья да таковы слова:
„Ай же Соловей Разбойник Одихмантьев сын!
Засвищи-ка ты во полсвисту соловьего,
Закричи-ка ты во полкрику звериного“.
Говорил-то Соловей Разбойник
Одихмантьев сын:
„Ай же старыя казак ты Илья Муромец,
Мои раночки кровавы запечатались,
Да не ходят-то мои уста сахáрные:
Не могу я засвистать да по-соловьему,
Закричать-то не могу я по-звериному
Ай вели-ка князю ты Владимиру
Налить чару мне да зелена вина,
Я повыпью-то как чару зелена вина,
Мои раночки кровавы пораскроются,

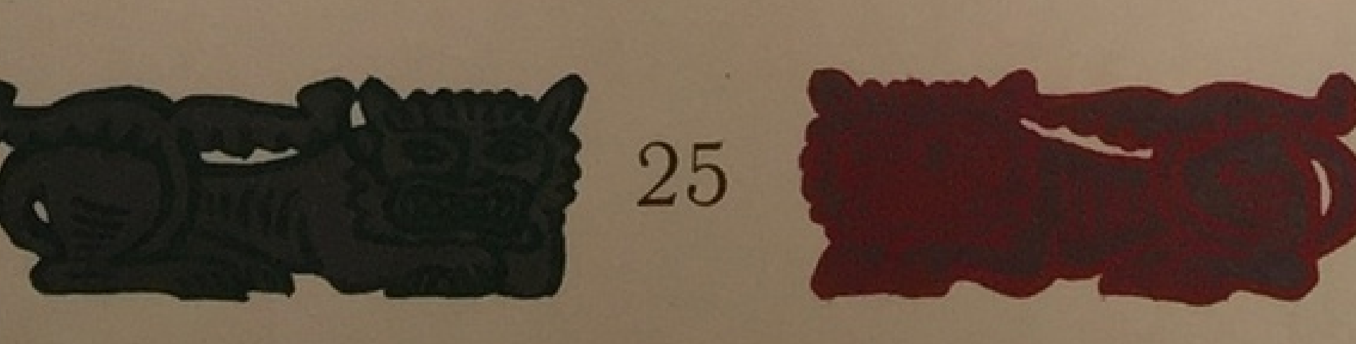

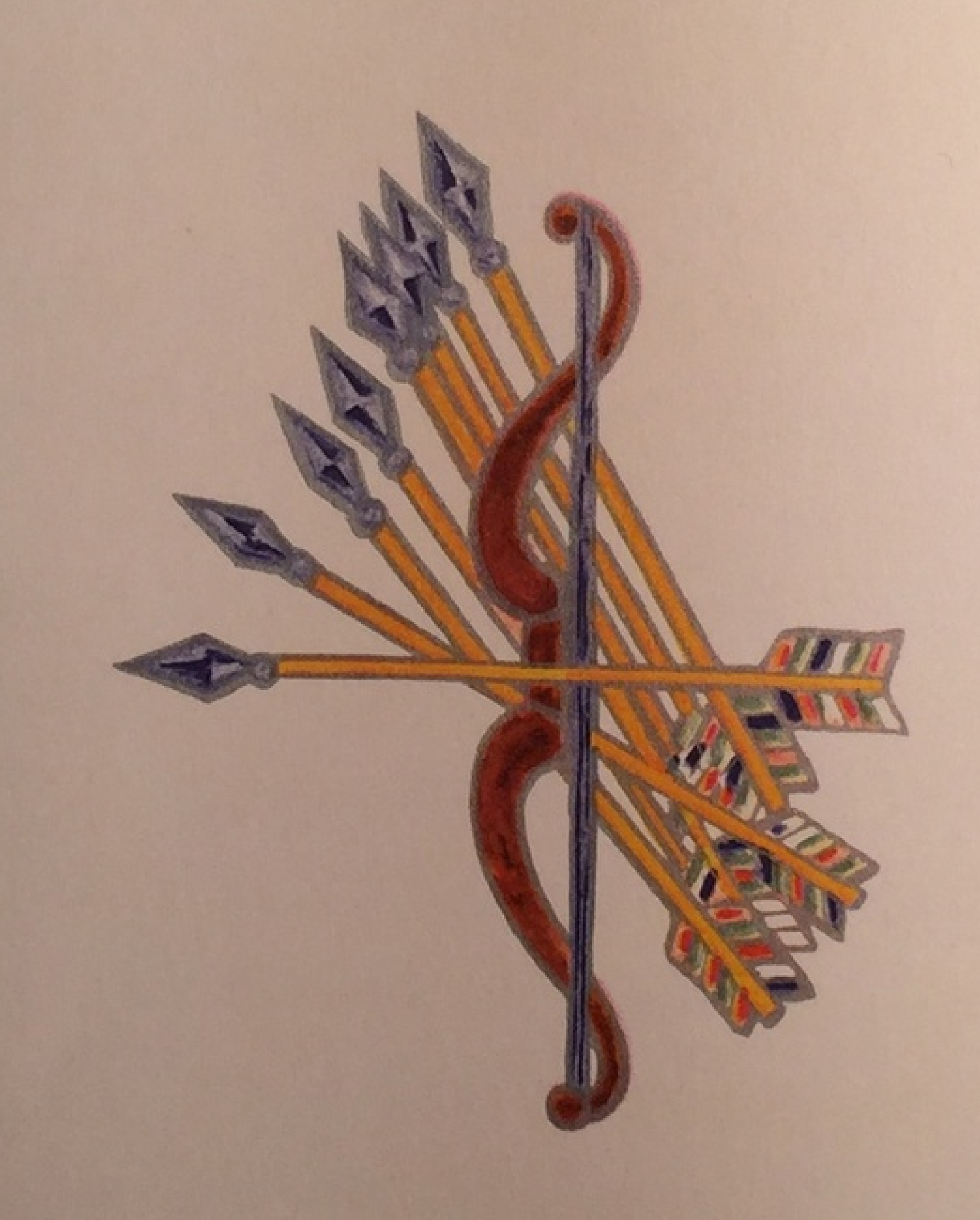
Да уста мои саха́рны порасходятся,
Да тогда я засвищу да по-соловьему,
Да тогда я закричу да по-звериному“.
Говорил Илья-то князю он Владимиру:
„Ты Владимир-князь да стольнокиевский!
Ты поди в свою столовую во горенку,
Наливай-ка чару зелена вина,
Ты не малую стопу — да полтора ведра,
Подноси-ка к Соловью к Разбойнику“.
Тут Владимир-князь да стольнокиевский,
Он скоре́нько шел в столову свою горенку,
Наливал он чару зелена вина,
Да не малу он стопу — да полтора ведра,
Разводил медами он стоялыми,
Приносил-то он ко Соловью Разбойнику.
Соловей Разбойник Одихмантьев сын
Принял чарочку от князя он одной рукой,
Выпил чарочку-то Соловей одним духом,
Засвистал как Соловей тут по-соловьему,
Закричал Разбойник по-звериному:
Маковки на теремах покривились,
А оконенки во теремах рассыпались
От его от посвисту соловьего,
А что есть-то лю́дюшек, так все
мертвы лежат;
А Владимир-князь-от стольнокиевский
Куньей шубонькой укрывается.
Ай тут старыя казак да Илья Муромец,
Он скорешенько садился на добра коня,
А й он вез-то Соловья да во чисто поле,
И срубил он ему да буйну голову.
Говорил Илья да таковы слова:
„Тебе полно-тко свистать да по-соловьему,

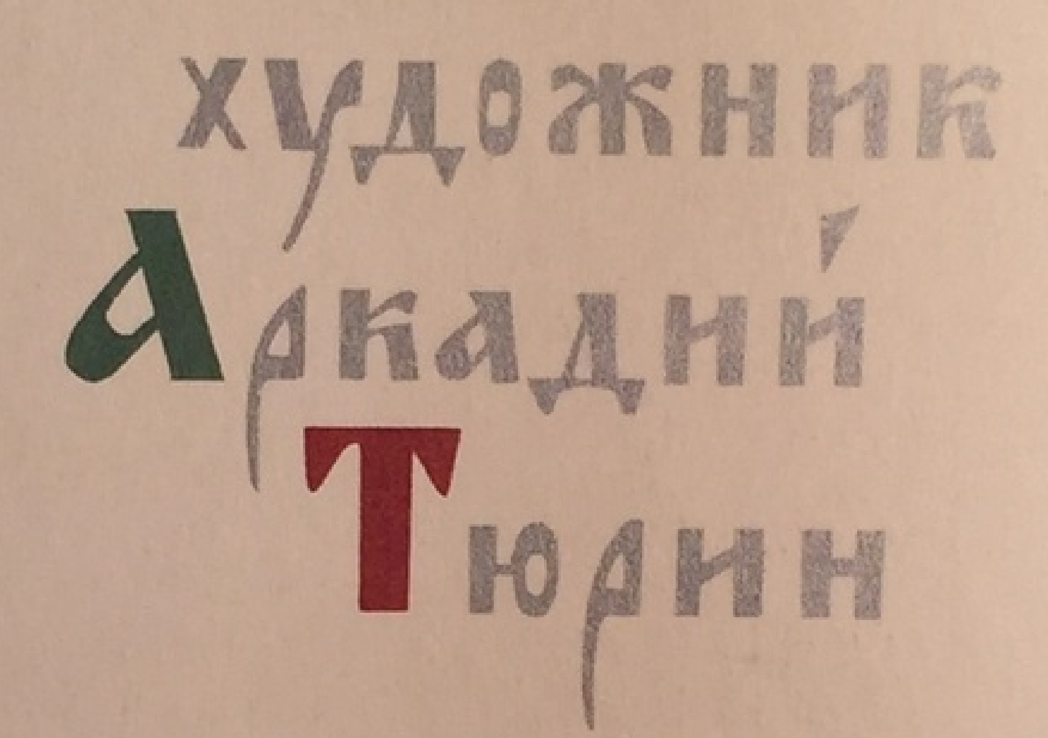

Тебе полно-тко кричать да по-звериному,
Тебе полно-тко слезить да отцов-матерей,
Тебе полно-тко вдовить да жен молодых,
Тебе полно-тко пущать-то сиротать да малых детушек".
А тут век про Илью да стари́ну поют
Синему морю да на тишину,
А вам, добрым людям, на послушанье.

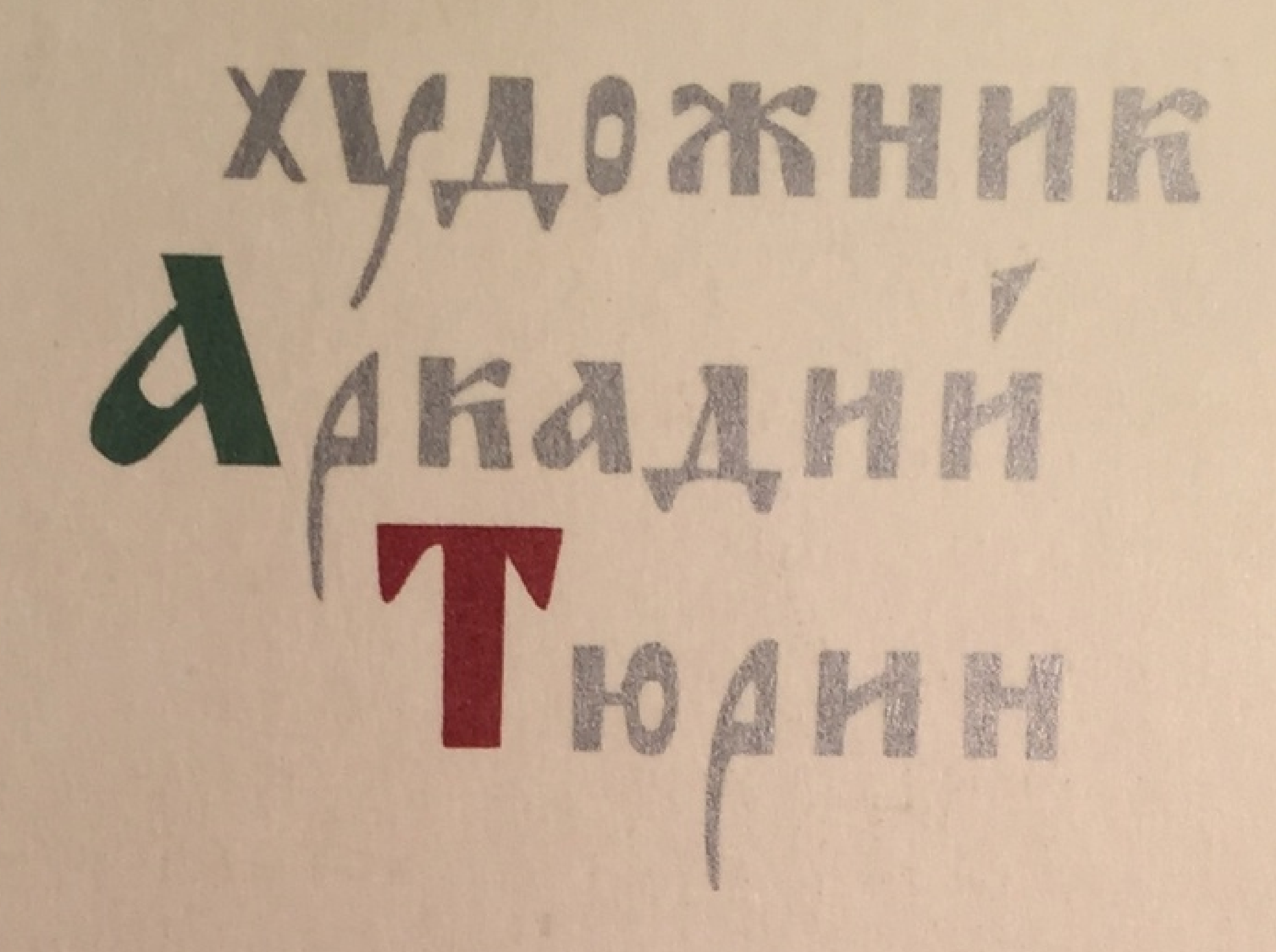

Тексты былин печатаются по изданиям:
Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, ч. I. М., 1861 (первая былина);
Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г., т. II. М.—Л., 1950 (вторая былина).

Обработка *Ф. М. Селиванова*

Редактор *Л. Г. Шакова*
Художественный редактор *О. М. Абрамов*
Технический редактор *Т. Е. Политова*
Корректоры *Т. П. Татаринцева, Р. М. Тимиргазина*

Подписано в печать 7/VII 1977 г. А10566. Бумага 57 × 108/6.
Усл.-печ. л. 5,31. Изд. № 18. Тираж 100000 экз. Заказ 131020. Цена 90 коп.
Гознак. Москва, М-162, Мытная, 17.
Отпечатано на Пермской ордена Трудового Красного Знамени печатной фабрике Гознака.
Пермь, 22, ГСП, шоссе Космонавтов, 115.

Тексты былин печатаются по изданиям:
Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, ч. I. М., 1861 (первая былина);
Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г.,
т. II. М.—Л., 1950 (вторая былина).

Обработка *Ф. М. Селиванова*

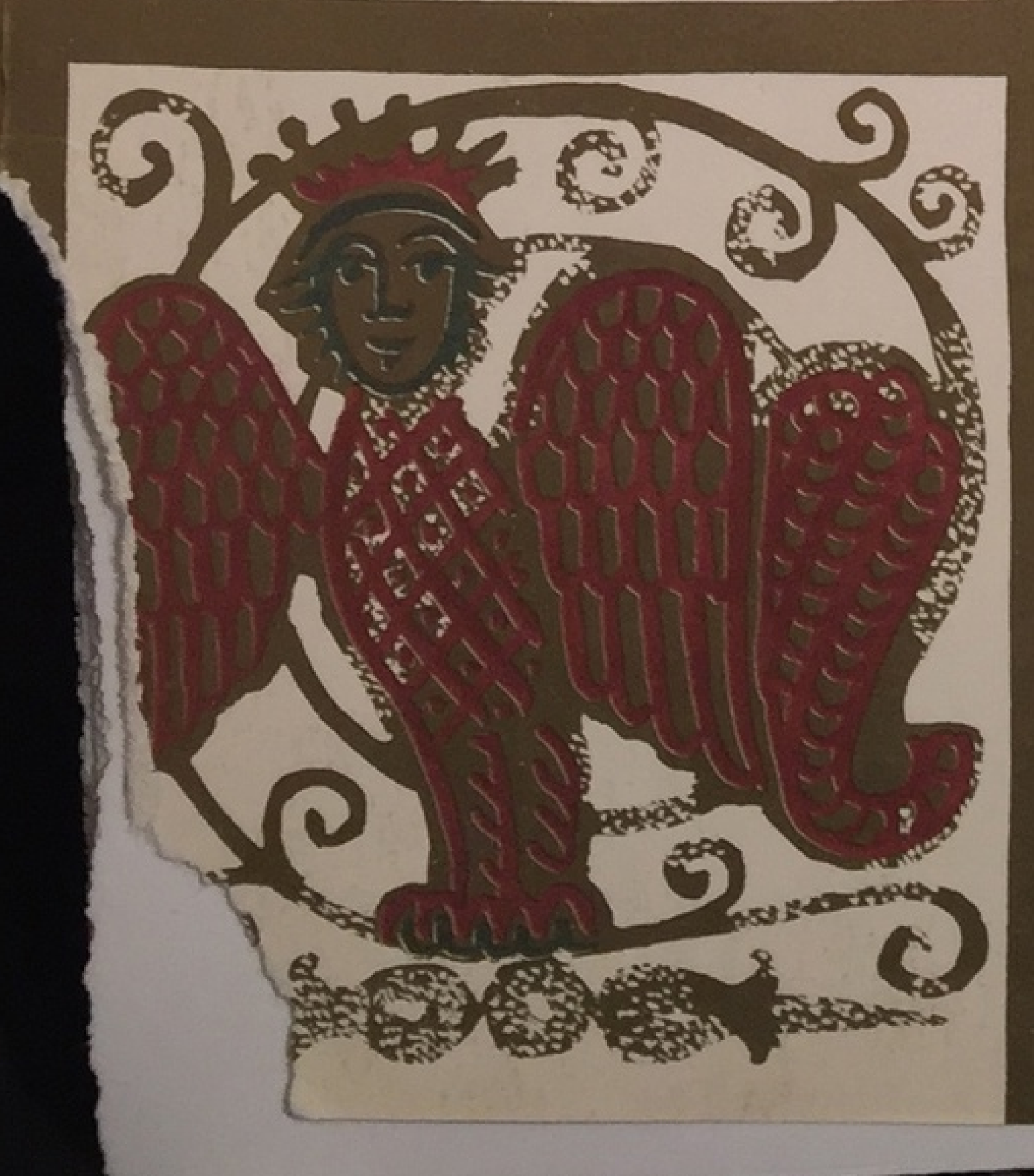
Редактор *Л. Г. Шакова*
Художественный редактор *О. М. Абрамов*
Технический редактор *Т. Е. Политова*
Корректоры *Т. П. Татаринцева, Р. М. Тимиргазина*

Подписано в печать 7/VII 1977 г. А10566. Бумага 57 × 108/6.
Усл.-печ. л. 5,31. Изд. № 18. Тираж 100 000 экз. Заказ 131020. Цена 90 коп.
Гознак. Москва, М-162, Мытная, 17.
Отпечатано на Пермской ордена Трудового Красного Знамени печатной фабрике Гознака.
Пермь, 22, ГСП, шоссе Космонавтов, 115.

ГОЗНАК